

Акатава Ибис

Морг

Практика

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Акатава Ибис

Морг. Практика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57119135

SelfPub; 2020

Аннотация

"Город засыпает. Просыпается Мафия. Мафия сделала свой выбор... Мафия засыпает, просыпаются все, кроме..." В городе появился маньяк. Уголовный отдел полиции в растерянности. Студенты медицинского Вуза ходят на практику, а девушки всё так же умирают. И кто же в конце концов прекратит эту череду убийств? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

64

Часть 1

Глава 1 Серое, предрассветное небо смотрело на такое же серое одноэтажное здание, с потертыми стенами и полутемными от грязи и лет стеклами и железной дверью.

Декабрь наступила снежной и морозной. Порыв северного ветра бросил подмерзшие снежинки в железную дверь. В столь ранний час только дворник пытался скрести подмерзший с ночи снег с асфальта.

Фыркалка открыв глаза и потянувшись всем телом, почти выгнув спину широкой дугой, неспешно встав и посмотрев на серый пейзаж, двинулась к железной двери.

Та открылась, выпуская из недр здания фигуру в куртке и широких, дедовских валенках, на размер больше, чем того надо. Фигура достала из кармана пачку сигарет, вытащив одну и спрятав в карман, из другого появилась газовая зажигалка. Очередной порыв ветра налетел и сдул капюшон, открывая лицо и шею неизвестного.

Это был мужчина средних лет, отвернувшись от ветра и со 2 попытки прикурив сигарету, он глубоко затянулся. Вдыхая морозный воздух и дым мужчина, увидел Фыркалку, та подошла к нему вплотную и мяукнула, в ожидание, глядя на него.

– Что, голодная? – Спросил он у кошки. Та вновь мяукнула, будто поняв обращение к себе.

– Сейчас докурю и пойдём. – Ответил мужчина, вновь глубоко затянувшись и выпуская дым через ноздри. – Когда –нибудь какой-нибудь студент или студентка будут изучать на мне легкие курильщика с 20 летним стажем. – Продолжил он и не весло хмыкнул. Он вообще мало улыбался или может, его улыбки не было видно из-за всегда небитой бороды, которую он специально отращивал и очень любил. Жесткая и немного кучерявая она ему на удивление очень шла, делая его лицо солидным и привлекательным одновременно.

Бывает такой тип лица или такие мужчины, которым ни борода, ни усы, ни тем более щетина не идёт, она их старит или придаёт виду неопрятность, но только не в его случаи.

– Эх, не люблю студентов, особенно девиц. Вечно они в обморок падают... – В сердцах сказал он и плюнул. Затушив окурок и бросив его в рядом стоящее урна, обратился к кошке:

– Пошли, Фыркалка. – В подтверждение своей клички та фыркнула и подошла к двери. Мужчина открыл тяжелую, железную дверь, пропуская кошку, что неспешно переступила порог, и зашёл сам. Дверь захлопнулась с гулким эхом, которое бывает только в пустых и длинных коридорах, облаженных кафельной плиткой, прокатившись по безлюдному коридору, до самого конца, в комнате, где горела одна верхняя лампа.

Вытерев ноги об выцветавший за года, потертый, весь в дырках коврик, и отряхнув с куртки, колючие снежинки, что

уже начали таять, мужчина с кошкой, что вновь мякнула, пошли по длинному коридору вперед, к единственному источнику света, в этом сером и не совсем уютном здании.

Павел Никифорович был начальником подразделения полиции по уголовному розыску, уже 20 год своего рабочего стажа. Мужчина солидный, с брюшком от «кружечки пива», каждый выходной за телевизором во время просмотра матча, и роскошными темными усами, которыми он сам очень гордился и каждое утро расчесывал в ванной комнате перед зеркалом специальной, только предназначенных для них, щеточкой, чего нельзя было сказать о его лысеющей шевелюре, таких же когда-то черных волосах.

Он очень любил говорить в шутку: «Это, царь батюшка, всё от усердия не возможного. Ишь, как много всякого сброда развелось! Всех поймаю, всех к закону!» – Хотя сам, грешил взяточками, так не крупными, всё по мелочи: коньячку, к примеру, марки «Лезгинка» или водочки, да не какой –нибудь, что алкаши пьют, а «Парламент» или на худой конец «Старая Москва», а где бывает и золотой промелькнёт. Он «подарки» принимал, но так, что это выглядело именно так что это в «благодарность»...

Но, в это утро его усы были не причесаны, и сам он выглядел не презентабельно. Серое утро пробивалось в окно второго этажа, в кабинет Павла Никифоровича. Настенные

часы пробили 7 часов утра, а он так и не сомкнул глаз. Дело было не шуточным, совсем не шуточным.

Не успел он вчера выйти из кабинета и с чистой совестью пойти на заслуженный отдых, как его остановил начальник отдела безопасности граждан и понеслось. Мол, много бродяг стало ходить и преступные группировки образовывать в районе, надо разобраться. Надо, кто ж против? А почему, должен разбираться, он, Павел Никифорович с этим? А, от того, что к нему все молодые ребята ушли, в – «детективов» играть, у него никого нет, для гражданской безопасности.

Пришлось идти, смотреть списки, читать, отдавать распоряжение о переводе из одного отдела в другой, молодых ребят. Уставший дерганый, Павел Никифорович решил, что на этом всё, но не тут-то было, когда он во второй раз попытался уйти с работы в 11 часов ночи, пришло сообщение об убийстве. Пришлось оставаться и высылать людей на указанный адрес. Он был зол и раздражён и не обратил на это внимание.

Когда сведения подтвердились и нашли труп, то было 23:53 минуты, Павел Никифорович решил уже не идти домой, а заночевать в своём кабинете, благо на такой случай у него был замечательный диванчик, в дальнем углу комнатки, который прекрасно раздвигал и был мягким и удобным. Конечно, нужно было опросить близь стоящие дома, может, кто –нибудь что –нибудь слышал или видел, в чём надежды было мало, но это Павел Никифорович отложил до утра,

рассудив так: «Труп обратно не встанет и не побежит, а сон вещь нужная и полезная». – И уже не совсем с чистой совестью прилёг отдохнуть.

Но и в третий раз ему не дали того, чего он так хотел, раздался звонок, пришлось принять вызов. Один из участников операции, доложил, что из опрошенных, в 1 часу ночи, кто, конечно, открыл дверь и не спал, оказалась пожилая пара, лет 65-67. Видите ли, им не спалось, и они решили в 12 часу ночи, выпить чаю, а тут как раз на улице раздался крик и по – видимо, кричала жертва преступления. Информация была так себе, настроение Павла Никифоровича было тоже не особо радостным, но он сдержался и всё же поблагодарил оперативника, за продленную работу.

Павел Никифорович был человеком умным и доброжелательным, когда того требовала ситуация. Он ценил своих сотрудников, ведь не он же в 12 часу ночи бежал, искал и находил все эти несчастные трупы и следы преступления. Он хорошо помнил те времена, когда мальчишкой поступил сюда, в полицию, как он мечтал о подвигах, о том, что «Все будет по закону» и, пожалуй, в его жизни всё было по закону, только нужно правильно применять закон.

Проведя рукой по лбу и тяжело вздохнув, Павел Никифорович, решил выпить кофе, ночь была тяжелой и он не выспался. Кофе он любил не кабы что, а хорошее, элитное, из хорошо обжаренных зёрен, что дают не только аромат, но и вкус, настоящий, а не всякую химию. И он мог себе позво-

лить эдакий кофе по утрам.

Не успел, начальник уголовного розыска пригубить чашечку кофе, как в его дверь постучали. Стук был сильным и уверенным. Сразу было ясно, что не подчиненный, какой –нибудь. Не дождавшись ответа, дверь открыли. На пороге появился человек. Павел Никифорович, тяжело вздохнул, с тоской посмотрел на чашечку кофе и сказал:

– С чем пожаловали Платон Иванович? – Мужчина зашёл в кабинет, хлопнув при этом дверью и напрямик направился к креслу, что стояло напротив стола Павла Никифоровича. Сев в него, без приглашения и оставив после себя, на светло-кофейном пушистом ковре, мокрые и грязные следы с улицы, от ботинок, он гаркнул:

– Пять убийств за эту неделю! Пять, Павел Никифорович, ты чем думаешь, а? – Павел Никифорович поморщился. Он не любил когда ему «тыкают».

– Мы работаем над этим. – Спокойно, отвечал он.

– Плохо работаете! – Не унимался Платон Иванович. Это был мужчина, схожий по комплекции и росту, на Павла Никифоровича, только без роскошных усов и с плешью в самом центре, его лысеющего черепа, так называемая прическа – «озеро в лесу». Его маленькие глазки и на удивление маленькие изящные, как у карапуза кисти рук, цепко всё хватали и тащили к себе, и ничего никогда не отпускали, не самое плохое качество для начальника.

Платон Иванович занимал в отделение полиции, так ска-

зять, начальственное место, вакантное. Он любил покричать с поводом или без повода, как сейчас, например. Он считал, что та как он себя ведёт, должно давать больше уважения ему и веса его словам. Но, на самом деле, Платон Иванович выглядел, как индюк, притом ещё и кудахчущий, как курица. Но, увы, он об этом не знал, а никто и не собирался ему это говорить.

Откричав и вытерев пот со лба, что проступил от усердия, клетчатым носовым платком, он уже спокойным тоном сказал:

– Чаем не угостишь?

– Не пью чай.– Отвечал Павел Никифорович. Кофе его уже давно остыл, зато, сам Павел Никифорович, постепенно закипал, вместо того, самого чаю.

– Ну с, нет, значит нет. – Отвечал Платон Иванович.– Значит и суда, нет. – Вставая и наматывая шерстяной шарф вокруг толстой шеи, сказал он.– А ты, – вновь он обратился к Павлу Никифоровичу,– что б поймал мне его! – И для большей убедительности помотал пальцем, чуть ли не перед самым носом Павла Никифоровича.

– Мы работаем над этим.– Спокойно, хотя внутри у Павла Никифоровича, всё так и кипело и плевалось желчью, отвечал он. Платон Иванович вышел из кабинета, так же хлопнув дверью, а на ковре, остались засохшие грязные пятна, от его сапог.

– Свинья! – Только и сказал Павел Никифорович, ушед-

шему вслед.

Всю неделю Александр Борисович, а для друзей и коллег, просто Саня, Санёк, Санчис и другие уменьшительно-ласкательные аналоги этого имени, бегал от студентов мед. института. Чего, чего, а студентов он не переносил на дух, в принципе, как и всех остальных людей. Но, вот парадокс, зато его любили и тянулись к нему, как мотыльки к огню, особенно женский пол.

Александр являться мужчиной 35 лет, среднего роста, красивый: темный шатен, густые волосы, серые глаза, но такие холодные и неприступные и потрясающе красивые и правильной формы губы. Таким губам, позавидовала бы любая женщина или девушка, совершенно правильной формы и полноты. Но, они не делали его лицо женеподбным, ибо их почти не было видно из-за его бороды и усов.

Немного худое лицо и сам он не блистал бицепсами и трицепсами, жилисто – худощавый, хотя в последние годы, он поднабрал веса из-за не особо подвижной работы, да и образа жизни тоже. Но, это его не портило, он входил в период зрелости и расцвета сил. Когда уже не мальчик, но ещё и не солидный мужчина, как Павел Никифорович или Платон Иванович.

Он нравился многим женщинам, а студентки вообще в него влюблялись по уши или выше, с головой. Зато они ему – нет. Особенно студентки, он не переносил девиц-практи-

канток, что без меры наносят на себя косметику и подрезают халаты, учитывая всю специфику места и времени.

И в это пасмурное, зимнее утро, главная над ним Ирина Львовна поставила ему ультиматум: либо практиканты либо она, отстраняя его от работы, и отправляет в отпуск за его счёт. А работу Александр любил, он был лучшим из лучших в своей области, он почти жил на работе и был помешан на ней, как и на многом другом, что связано с ней.

С тяжелым вздохом и обреченно опущенной головой, мужчина сказал:

– Хорошо, до конца этой недели.

– Месяц! – Крикнула Ирина Львовна, женщина за 40 худощавая и болезненная, да и не удивительно, быть начальником тяжело, куда не кинь, везде клин. Блондинка, с седеющими прядями и выцветающими зелеными глазами, с морщинками вокруг глаз и губ, она не была красавицей, да и фигура ее вся угловатая и хрупкая. Александр, часто задумываясь, а была ли Ирина Львовна, когда нибудь молодой и красивой. Сколько он себя помнил, она всегда была такой худой, всклокоченной и никогда не пользовалась косметикой.

– Начиная с сегодняшней пятнице! – Грозно продолжила Ирина Львовна. Саше ничего не оставалось, как покориться воле царице одноэтажного, серого здания с железной дверью, в недрах которого скоро появиться очень много ненужного хлама, то бишь студентов и студенток.

День не заладился с самого утра. Для начала он проспал, причём капитально. Пришлось бежать без завтрака и с непричесанной головой, хотя на счёт последнего он мало переживал, его больше расстроило отсутствие чего – либо в желудке.

Еле успев на сбор своих одноклассников, он пошёл вместе со всеми на территорию больницы, где они проходили практику, вот уже неделю и всё без толку.

– Вот зачем нам сюда идти? – Возмутился Колян, высокий, широкоплечий и на удивление язвительный, что совершенно не вязалось с его внешностью. Обычно высокие и широкие, они как плюшевые мишки, но Коля был исключением, совсем не плюшевый и не мишка.

– Потому что это практика. – Ответил бригадир группы, Алиса – тонкая, низкорослая и с железной хваткой, её побаивались и уважали. Наверно, поэтому её и сделали бригадиром, несмотря на то, что ростом метр с небольшим, зато характер... Колян тут же замолчал.

– О, Челкашов, опять опоздал. – Сказала Алиса.

– Алкашов. – Сказал Коля и гыгнул.

– Я не опоздал, а припоздал. – Отвечал, Челкашов.

– О, это имеет весомое значение. – Сказала Алиса, отвернувшись от него, продолжила:

– Раз все в сборе пойдёмте. – И группа из 6 человек направилась к дальнему, серому, одноэтажному зданию, на самых задворках больницы, где стоят баки с мусором, и находится

ещё один въезд на территорию больницы.

Холодный, северный ветер дул в лицо и совсем не было никого желания тащиться в самый дальний конец территории больницы, кое, где под снегом, асфальт покрылся ледяной коркой. Дойдя до железной двери, Алиса нажала на звонок, что был рядом с ней.

– Может, лучше постучать кулаком? – Предложил Колян и не успел никто ничего сказать, как он постучал кулаком по железу, что эхом разлетелось внутри помещения.

– Вообще-то я нажала на звонок. – Сказала девушка.

– А кто сказал, что он работает? А так наверняка. – Ответил Колян и подул на озябшие, без варежек или хотя бы перчаток, руки. Спустя полминуты или раньше, дверь открылась, и на улицу высунулось лицо.

– Кто долбал в дверь? Звонок есть.– Сердито сказала лицо. – А, студенты? Ну, проходите. – Продолжило лицо и скрылось за дверью. Та открылась шире, и озябшая группа зашла в помещение.

– Вытираем ноги. – Продолжил всё тот же голос. В здание царила полутьма.

– Кто наследит, будет мыть пол. – Группа дружно затопала ногами по ковру и тщательно, с притворным усердием Коля вытирал ноги об дырявый и почти бесполезный коврик, что лежал при входе.

– Где мы можем оставить верхнюю одежду? – Спросила Алиса.

– Пойдёмте, отвечала женщина, за 50, немного полноватая, с кривой спиной, кривыми ногами, как это часто бывает у людей с повышенным весом, суставы ног искривляются и похожи на дуги. Она пошла по темному коридору, ковыляя и переваливаясь как утка. На голове её была санитарская шапочка, и сама она была одета в санитарский халат и штаны. Жидкие, редящие волосы, неясного серо-бурого цвета на голове, прилипли к её взмокшей шеи и лбу, хотя в помещение было прохладно, даже холодно, ибо такие места, как это не подлежат обогреву, собственно говоря, греть здесь нечего и некого, кроме живых и не очень живых.

– У, морозильник. – Причитала Ксю, низкорослая и с формами девушка, всегда при параде и с макияжем.

– Да, это тебе не на островах отдыхать, милочка. – Согласилась Алиса. Бригадир не особо переваривала Ксению, она считала её легкомысленной и кокеткой, в принципе это почти одно и то же.

– Что ты такая вечно злая? – Обиженно сказала Ксю и надула пухлые губки. Алиса только фыркнула. Пока они перекидывались светскими репликами, пришла Ирина Львовна, а за ней...

– Здравствуйте, это Александр Борисович, он будет вести вас, начиная с этой пятницы и до конца этого месяца. – Александр Борисович не выглядел радостным, его серые глаза оценивающе и без каких либо эмоций осматривали, то с чем ему придется иметь дело.

– Здравствуйте. – Ответила за всех Алиса. – Я бригадир группы. – Тут же добавила она. Ирина Львовна ушла, оставив Александра тед на тед с бригадой студентов.

– Пошли. – Хмуро сказал он и, не оглядываясь на студентов, пошёл из комнатки, куда их привела санитарка в коридор.

– Походу дело, он не особо рад нас видеть.– Шепнул Колян Челкашову.

– Да. – Согласился тот. Пройдя в другое помещение, где было в 2 раза холоднее, чем в холле, из-за того, что сифонило из щели в раме окна, Александр обратился к студентом:

– Говорю сразу, если кто-то не будет ходить на практику, дело ваше. Мне всё равно, но выше тройка я не поставлю, отработки не принимаю. Опоздания тоже. Запоминать, кто, когда ходит не буду, как и ваши имена, считаю по головам. Вас всего шестеро?

– Да. – Согласилась Алиса.

– Отлично. Вижу меньше, если объяснения не получаю от бригадира или от самого отсутствующего, значит прогул. Всё ясно?

– Да. – Ответили хором студенты, по крайней мере те, кто соизволил ответить.

– Хорошо. Теперь к теме. Спрашивать, что такое предмет и зачем он нужен, не вижу смысла.– Продолжил монотонно и без каких либо позитивных эмоций в голосе Саша, Коле стало смешно, и он тихо хмыкнул. – Так что сразу к делу. –

Продолжил мужчина. – Анатомию и физиологию изучали?

– Ясен красен. – Чуть не фыркая, сказал Колян. Алиса неодобрительно на него посмотрела.

– Что? – Удивленно подняв плечи и брови, ответил на безмолвный укор Коля.

– Что ж, тогда ответить мне, умник, как выглядит здоровая печень? – Холодно, почти сурово спросил Саня. Коля был почти одного роста с женщиной, даже немного выше, но от холодности глаз и тоном с которым к нему обратились, он ссутулил плечи и втянул голову в плечи.

– Ну, она состоит из правой и левой доли. Правая больше левой. – Невнятно промямлил Коля.

– Это всё?

– Ну, она очень много всего выполняет. – Добавил, бубня под нос юноша.

– Я не спрашивал про функции печени, я спрашивал про её строение. – Жестко ответил Санёк.

– Ну... – Протянул Колян и его рука произвольно потянулась к бритой голове, затылку.

– Ясно. Это ответ не годиться даже для школьника. – Безразлично ответил на «нуканье» юноши мужчина, от чего его слова, такие банальные, прозвучали, очень впечатляюще и даже угрожающе.

– Позвольте я отвечу. – Выступая вперед, сказал юноша, по фамилии Челкашов.

– Выскочка. – Тихо, прошипела Ксюша.

– Мне не нужны ваши знания на словах, мне нужна, что бы это применили на практике. – Отчеканил Саша. – А все остальные участники, почему молчат? – Обращаясь к двум девушкам, что всю дорогу молчали и сейчас безмолвно, как две побитые моли стояли и смотрели на мужчину бледными глазами.

– Это, Варя и Вера, они сестры. – Отвечала Алиса.

– А они сами не в состоянии ответить за себя? – Немного выходя из состояния язвительности и входя в состояния раздражительности, спросил мужчина.

– Они мало говорят. – Вступилась за них бригадир.

– Ладно. Тем лучше. – Отвечал Саня. – Меньше болтовни больше дела. За мной. – И развернувшись, он повёл студентов в камеру хранения. Настроение у всех до этого и так не особо радостное, стало совсем понурым, особенно у Коляна, его гордость была задета и унижена.

Открыв ещё одну железную дверь и включив мутное освещение в криокамере, Александр отступил от дверного проема и сказал:

– Заходим. – Осторожно, по одному они зашли в комнату. Нет, запаха не было, были обыкновенные голые стены, покрытые плиткой, до самого потолка и такой же пол. Холод, вот что ощутили они. Так как больница была старой, то реконструкцию и нововведения в данном участки не были проведены, то всё великолепие было разложено по столам в том, виде, в котором обычно рождаются на свет Божий.

– Ах! – Воскликнула Ксю и, кажется, собралась падать в обморок. – «Вот! Началось!» – С досадой подумал Александр Борисович, а вслух сказал:

– Выведите её наружу, да и сами выходите. В общих чертах я думаю, вы поняли. – Уже закрывая дверь криокамеры, говорил мужчина. Ксюша, бледная или может это от освещения её лицо казалось белым, смотрела на закрытую дверь.

– Пойдёмте, я вам покажу секционную. – Спокойным тоном, будто ничего и не произошло, сказал Александр и повёл совсем притихших студентов в другую комнату, где было так же темно и неудобно, как и во всем помещении. Включив верхний свет, и пройдя к самому дальнему столу в секционной, Александр Борисович обратился к группе:

– Обычно здесь я провожу вскрытия, а там, – он махнул рукой, на стол в дальнем конце секционного стола, возле стенки, – записываю всё что обнаружу и естественно заключение о смерти и её причины. – После этих слов, Колян передернул плечами и поежился. Видно до него только сейчас начало доходить, что всё это очень серьезно. Подростково – юношеский запал, как это обычно бывает со студентами мед. учреждений, когда они проходят практику по гистологии, им всегда хочется, попасть в морг. Это непреодолимая тяга и желание испытать экстрим и адреналин, увидев всё своими глазами. Но, увидеть что? Голые, желтые, бледные, сухие, дряхлые, чаще всего, с кривыми пальцами на ногах и скрюченными на руках, с неправильным, искривленным по-

звоночником, впалой грудью и выступающим вперёд животом, тела?

– Сейчас пока никого вскрывать не будем. – Спокойно продолжала Александр. – На сегодня всё. Если хотите, могу дать почитать книгу о патологической анатомии и физиологии, но только здесь. – Строго предупредил он.

– А можно сфоткать или название автора узнать? – Спросила Ксю. – Я в интернете найду.

– И ты будешь читать? – Скептически спросила Алиса.

– Представ себе – да. – Ответила Ксю и приподняла носик. Девушки были почти одного роста и выглядели, как две маленькие собачки, что тявкают друг на друга. Ксю походила на итальянскую болонку, такую же полноватую и с пушистыми крашенными в блондинку, темными волосами, которые она очень любила завивать в кудри и укладывать в разные причёски. Вообще она была яркой девушкой и модницей, что сказать истинная женщина.

Алиса же походила на парижского крысарика, такая же маленькая, тощая, с большими карими глазами, острыми зубками и язычком. Она в отличие от болонки, могла постоять за себя и вцепиться в кого –нибудь мертвой хваткой.

– Если найдете в интернете, то, пожалуйста. – Прервал спор юных дев, Александр. – А так, сейчас у нас... – Мужчина достал из кармана хирургического халата мобильник, древнего типа, не iPhone 11 или хотя бы Samsung Galaxy и, посмотрев на экран, продолжил, – почти 10. Раньше 11 я вас

отпустить не могу, так что... – Саша пожал плечами и больше не сказа в ни слова ушёл.

Глава 2 –Мдя, – протянул Колян, – ну и препод нам достался.

– Мне, кажется или он не рад нас видеть. – Уточнила Ксю.

– Тебе не кажется. – Хмыкая, сказал Колян.

– Нам всё равно нужно пройти эту практику. – Отрезала Алиса. – Если ты надумал прогуливать её, то учти что, он сказал. – Строго глядя на Коляна, что как скала возвышался над обеими девушками, пригрозила она ему.

– Шеф, не кипятись. – Тут же ответил Колян, хотя в мыслях давно бы уже был подальше от этого холодного и не интересного места. Колян был живым и обыкновенным как все юноши в его возрасте, парнем. Попойки, тусовки, девочки, спорт и конечно самолюбие и гордыня. Красотой особой он не отличался, да и умом тоже, как и тягой к знаниям.

Что его реально интересовало, так это футбол, волейбол и прочие физические нагрузки и упражнения, которыми полна физкультура. Была б его воля, он бы и сейчас гонял мяч по полю и кидал его через сетку, но стать великим чемпионом ему не позволило плоскостопие, а ещё отсутствие больших средств, что б пробиться на вершину олимпа и стать лучшим из лучших. Хотя на мед хватило, да и то не его средств, а средств родителей, отца.

– Я предупредила. – Отвечала Алиса и отвернулась от него, подойдя к книге, оставленной Александром, девушка

взяла её в руки. Книга была старой, это было видно по её выцветшей обложке и дряхлости страниц, за ней. Название и автора совсем не было видно, они стерлись со временем. Открыв её, Алиса ощутила тот специфический запах, который издают старые вещи, особенно книги: запах пыли и тлеющей бумаги.

Пролистывая листы, желтые от лежания и дряхлые от старения, девушка видела на полях заметки карандашом, написанные чьим-то красивым аккуратным почерком: маленькие, подбористые буквы, читабельно и ровно были выведены в некоторых местах. – «Интересно, это его книга». – Подумала Алиса и от чего – то этот вопрос показался ей очень важным.

– О, ребятки. – Услышали они позади себя, бодрый голос, все головы повернулись в сторону входа в секционную. Там, стоял мужчина, хорошо выбритый, чуть старше Александра Борисовича, в очках и белом халате.

– Практиканты? – Спросил он.

– Ага. – Буркнул Колян, все остальные дружно закивали, за исключением сестер, они где-то витали в воём мире.

– Что, Санчес вас кинул, сам смотался. – Весело продолжил мужчина.

– Он вообще не особо был нас рад видеть. – Сказала Ксю.

– А, это он вообще студентов не переносит на дух. – Махнул рукой мужчина.

– И ничего нам не рассказывает. – Поддакнул Колян.

– Он книгу дал. – Вмешалась в разговор Алиса.

– Ага, даже автора и названия не прочесть. – Связвила Ксю.

– Буд-то ты читать умеешь. – Огрызнулась Алиса.

– О, девочки не соритесь, Саньку, глубоко наплевать будете вы знать или нет. – Всё так же добродушно говорил мужчина.

– А, вы вообще кто? – Спросил за всех Колян, у которого не хватило толи такта толи мозгов, что б спросить немного вежливее.

– Я? – Удивился мужчина, но было видно, что ему смешно. – Федор Егорович и я тут работаю.

– Может тогда вы, будете у нас практику вести? – Хлопая ресницами и делая губки трубочкой, кокетливо спросила Ксю.

– Не, я со студентами не особо лажу и не знаю, что им говорить.

– Но, с нами же вы разговариваете. – Всё так же, махая ресницами, отвечала Ксю.

– Скажу по секрету, – наклонившись чуть вперёд, говорил Фёдор Егорович, он был одного роста с Александром Борисовичем, только светло-русый и кареглазым и немного потолще, но не толстый, чем Саша, – что вам ему дали в наказание.

– А за что? – Тут же встрепенулась Алиса.

– За всё хорошее. – Уже приподнимаясь и опережаясь, о

край косяка двери, отвечал Фёдор.

– То и видно, что ему до нас дела нет. – Капризно сказала Ксю.

– Ещё и торчать тут до 11. – Пробубнил Колян.

– Лучше б анатомию почитал. – Сказала Алиса. – Срам, да и только.

– Ой, ой, умная нашлась. – Поворачиваясь к Алисе лицом и бросая кокетничать, отвечала вместо Коли, Ксюша. – Ты – зануда. Сама и читай книжки. Теория без практики мертва. – Выказала умную, как она считала мысль, девушка. Алису это покорило, но выдержав красивую мину на лице, она, отвернувшись, обратилась к Челкашову.

– Андрей, ты в понедельник не опаздывай, пожалуйста. – Юноша поднял голову от книги, что читал и угугнул, как сыч вновь углубился в чтение. Он, был худощав и в отличие от Коляна, не был ни спортсменом, ни качком. Да и ростом не догонял того на целую голову, из-за чего Коля ощущал себя громиллой, среди этой мелюзги. Его немного всегда спутанный волосы, медного цвета и зеленые глаза, за стеклами очков, внимательно наблюдали за всем. Он мало говорил, много читал, но не то, что нужно, так сказать, что зацепило, то и читает.

Варя и Вера, были молчуньями и готами. Всегда распущенные черные волосы, черные штаны, кофты, лак, макияж, никогда ни одного яркого пятна или хотя бы проблеска цвета, в этом царстве ночи. Учились сестры хорошо, одна были

чуть выше другой и у Веры были длинные вьющиеся волосы, а у Вари короткие и прямые, хотя они и были близняшками.

Поэтому самой яркой и живой из всех была Ксюша: маленькая, да удаленькая. Коляну было тяжело среди этого заумного и умирающего царства, где одни готы, другие зануды, а третьи твякают и всё не по делу. С его небольшим умом и горой мускулов, ему было тяжело и душно в этом окружение.

Алиса, не терпела Ксюшу, хотя это и так понятно, и дело было не в её кокетстве или безмозглости, а в том, что ей (Алисе) приходилось много и упорно работать помимо того, что она училась. Оплачивать обучение и на что-то жить вот что ещё тревожило почти постоянно девушку, от того и она и была тощей и язвительной. Грудь, попы нет, только большие красивые глаза, карие с золотом. Волосы она давно подстригла, и ходило с каре, правда вьющимся каре. В то время как у Ксю всё было, были деньги, было время отдыхать, у Алисы этого времени не было.

С трудом она переваривала и Коляна, по той же причине, она в сердцах называла их «Припяздень и припездня», хотя сама не особо знала, что это значит, но у нее это ассоциировалось с ленью и пофигизмом к жизни.

Челкашова она воспринимала спокойно, но её раздражало, что он вечно опаздывает и всегда какой-то лохматый, но в целом он ей даже нравился.

Но, особенно она «любила» сестер, от них вообще хлопот не было никогда: всегда молчат, говорят только по делу и

никогда не опаздывают. Алиса даже могла смириться с этим диким макияжем: когда глазища черные на пол лица и губы черные или темно – фиолетовые, а сами щеки и лоб белые, как простыня.

Девушки не нужно, что б её там любили или не любили, она добросовестно делала свою работу как бригадир, и училась как студентка, может Ксю и была права, что она зануда, но это занудство было объяснимо, ибо Алиса, была дотошной и во всём любила ясность.

– Федор Егорович, а вы что тут делаете? – Входя в комнату, спросил Александр.

– О, Александр Борисович, – добродушно отвечал первый, – на вас, студенты жалуются.

– Да? – Удивленно приподняв только бровь сказал Александр.

– Говорят, что вы их не учите ничему и холодны как лёд. – Подшучивал Фёдор Егорович.

– Федор Егорович, не желаете ли взять бедных студентов под вашу опеку? – Тут же сказал Саша.

– Нет, голубчик, ты у нас лучший из лучших вот, тебе и учить подрастающее поколение. – Отвечал Федор и под конец сделал, то, что никто не ожидал.

– Буга-га. – Добавил он и вышел из секционной.

– А мне нравится этот чел. – Сказал вслух Колян.

– Не «чел», а Фёдор Егорович. – Поправил студента Александр. – Можете идти. – Добавил он и, развернувшись то-

же вышел из секционной. Серое утро сменилось таким же серым днём, облака белые и кучевые, облепили весь горизонт и сплошными бело-серыми подушками давили с неба на землю, придавливая и придавая настроению и окружающим предметам серость и безжизненность.

Выйдя из здания морга, студенты в рассыпную пошли кто куда. Колян уже спешил на триеровку или просто к друзьям таким же балбесам и качкам, Ксю звонила кому-то по мобильнику и лилейным голом с кем-то вела беседу. Сестры как всегда незаметно скрылись из поля зрения: тихо и быстро, набросив капюшоны на головы, а Челкашов стоял и считая ворон, образно говоря, думал над чем-то своим.

Алиса быстрым шагом вышла с территории больницы и поехала сразу на работу. Она устроилась официанткой, так сказать в кофе и по совместительству поломойкой. Хоть она и была местной и коренной Москвичкой, но ситуация в её семье не позволила ей жить в семье. Всё началось с того, что мать была против того, что б она становилась патологоанатом.

Девушка прекрасно рисовала и людей и пейзажи, да вообще всё что возможно, мать узрела талант дочери ещё в детстве отправила её в художественную школу, не жалела денег. Все пророчили будущее Алисе великой художницы и бла-бла-бла, но...

Перейдя в подростковый период и к моменту, когда надо задумываться о будущем и профессии, девушка заявила, что

не хочет рисовать, а хочет идти учиться на медика. Это конечно мать не убило, расстроило, но не убило. А на вопрос «На кого?» Алиса так и сказала. Терпение или нервы матери не выдержали, и она долго и громко ругала дочь, неизвестно за что. Может это была обида, на то, что она столько сил и денег потратила на девушку, а та не хочет стать тем, кем ей пророчили все: учителя, она, другие ребята из художественной школы, которые завидовали ей, но не все, некоторых тоже насильно туда привели учиться и приобщаться к высокому....

К слову говоря, отца Алиса своего не знала, он ушёл от её матери, когда девочки было 3 года или около того, и больше они его не видели. Наверно, тогда и всё и началось, увидев талант в Алисе, женщина надеялась потом, возместить все расходы на её таланте.

Алиса была всегда упрямницей и с характером, позже она стала еще и язвительной и вредной в каких-то моментах и вещах.

Алису долго и упорно переубеждали, угрожали, запугивали, лишали сладостей и прочего, что можно ещё придумать. Всё это было глупо и смешно, если б не было так грустно и реально. И вот тот день настал, когда девушка окончила школу и подала документы в мед институт. И когда она в него не поступила, у девушки началась истерика, прям там, в холе института.

Алиса ненавидела эту художественную школу, куда мать

столько вложила денег. – «Лучше б копила их. А не тратила на эту х..ню!» – Мысленно ругалась девушка. Истерику девушки увидела педагог этого института и, приведя Алису к себе в аудиторию и напоив чаем, поговорила с ней. Алиса была благодарна этой женщине за поддержку и за то, что её хоть кто-то выслушал.

Поблагодарив женщину, Алиса хотела уйти и покориться уже воле судьбы, так как её с руками и ногами взяло бы без экзаменов институт Сурикова и угробить ещё несколько лет жизни, на бессмысленные малеванья по бумаге.

Нет, Алиса любила рисовать, но не то, что ей говорили: все эти пейзажи у нее сидели в печенке, натюрморты оно вообще не понимал их смысла, кубические формы и всякие шедевры импрессионизма, она воспринимала как бред сумасшедшего, божественные мотивы и портреты без эмоциональных людей, она так же не понимала.

Но, девушка рисовала всё это, дома всё было завалено этим добром, от которого не куда было, деться, за то мать была счастлива и всем кому надо кому не надо хвастала её картинами. Самой же Алисе ни одна картина не нравилась, её настоящие картины, которые она нарисовала от души, хранились в тайничке. Ели бы их кто – либо увидел, то неизвестно, как бы их истолковал бы...

Но, удача улыбнулась ей, та женщина помогла Алисе поступить в медицинский, но не на бюджет. И когда девушка счастливая вернулась домой, мать осердясь выгнула её из до-

ма, пришлось идти и просить на свою долю общежитие, но и тут ей улыбнулась удача. Алиса ждала, что мать одумается и простит её, но женщина не одумалась.

И так девушка скрепя зубами стала жить дальше, она продала все те картины, что успела забрать из дома, и какое-то время ей хватало денег, но потом, рисовать новые, у неё не было времени и желания. А сидеть по выходным на улице, как это делают многие бродячие художники, и предлагать нарисовать «ваш портрет», она не хотела. Таким образом, карьера великой художницы закончилась, так и не начавшись.

Павел Никифорович, с самого утра, после ухода Платона Ивановича, не разгибая спины, писал и писал и ещё раз писал. Писал он, то судные показания от немногочисленных свидетелей, то деликатные письма с просьбами, а где и с угрозами. Он имел в своих руках большую и разветвленную сеть связей, которые иногда были ему нужны и полезны. Павел Никифорович, был человеком слова, и свои слова будь они хорошими или плохими исполнял в точности и без промедления.

Да, пять убийств за неделю это много, но то он мог сделать? Ни одной зацепки, ни одной улики, ничего. Да и его сыщики – молчат. Что ему делать? Только ждать.

Показания, которые дала пожилая пара, были ничтожны и даже можно сказать бесполезными, как и все остальные за эту неделю. Да, декабрь встретил Павла Никифоровича и

снегом и кровью.

Труп молодой девушки, небольшие 25 лет привезли в морг на экспертизу, и теперь Павел Никифорович ждал результатов вскрытия. Нервно барабаня по крышке своего стола и в так барабанной дроби ещё и постукивая носком правой ноги об пол, Павел Никифорович напряженно думал. В кабинет постучали.

– Войдите. – Ответил Павел Никифорович. – Дверь открылась, в неё показался мужчина, среднего роста, с большими очками на лице, худой и с жидкими волосами на черепе.

– Ну, что Петрович? – Без приветствий сразу перешёл к делу Платон Никифорович.

– Ничего. – Ответил мужчина.

– Совсем?

– Вообще.

– А вскрывали?

– Нет.

– Почему?

– Может это какой-то новый яд, который сразу не появляется после смерти. – Начал Петрович. – Подождём пару дней, пока не пойдут трупные пятна, потом и вскроем. Ей теперь терять нечего и спешить тоже некуда. – Спокойно говорил мужчина.

– А, Петрович! – Махнул рукой Павел Никифорович. – С меня требуют. А что я им скажу, а? – Сердцась говорил он.

Петрович поглядел на него своими глазами, которые из – за очков казались, как блюдца, светло голубые и сказал, всё так же спокойно:

– Так и скажи.

– Петрович, ты же знаешь, Платон Иванович уже приходил, орал, как угорелый.

– Он всегда орёт. – Спокойно вторил Петрович.

– Миша, как друга прошу, – уже мягким тоном сказал Павел Никифорович, – напиши чтонибудь, а? Успокой ты его. – Михаил Петрович, в упор посмотрел на Павла Никифоровича, затем вздохнул, ответил:

– Могу сказать, что у всех предыдущих жертв, при вскрытии ничего подозрительного не обнаружены, как и причины смерти. Остаётся ждать трупных пятен и тогда...

– Петрович! – Взревел Павел Никифорович.

– Не уподобляйся Платону. – Спокойно ответил Михаил и без лишних слов вышел из кабинета, начальника уголовного расследования.

Александр Борисович, сидел в комнатке, рядом с секционной, когда городской телефон надломано и слишком громко, зазвенел своей дрожащей дробью. Саня, даже пальцем не повел, всё так же читая газету, где было опубликована о серии убийств молодых девушек. Телефон надрывно звенел, раздражая слух, но мужчина упорно не снимал трубку, хотя та лежала в шаговой доступности от него, на тумбочке.

– Санчис! – Крикнул из секционной Федор Егорович, он как раз вскрывал трубу девушки, лет 79, которую лечили от воспаления легких, но так видно и не вылечили. – Возьми трубку уже! Не могу это слышать. – Александр, тяжело вздохнул и наконец, взял трубку. Частенько к ним звонили из соц. опроса или рекламных агентств, предлагали свои услуги.

Когда у Александра было хорошее настроение, он даже выслушивал, что ему говорят на том проводе, а потом спокойным, без каких либо признаков подстёба или эмоций вообще говорил:

– Спасибо, но нет.– И на вопрос – «Почему?», чуть ли не смакуя, ответ отвечал:

– Это – морг. – На том конце слышалось: «Ой» или «Ой, извините» и трубку бросали. Но сегодня настроение шутить у него не было, толи студенты так на него повлияли, толи погода менялась, а может что ещё, но Санчис не был готов выслушивать очередной бред о зубах, позвоночнике и о чуде креме, улучшающего потенцию или что-то в том же духе.

– Да? – Сказал он в трубку и уже приготовился сказать: «Это – морг», когда услышал:

– Здорова, старина. – Настроение Саша немного просветлело.

– Ты? – Удивился он. – С какой радости?

– Дело одно есть. – Услышал он на том конце.

– Ну?

– Не по телефону. Лучше приезжай ко мне, всё покажу.

– Хм...

– Приезжай, не пожалеешь. – Подбодрил голос с того конца провода.

– Ладно, смену закончу, приеду. Всё там же?

– Естественно.

– Тогда до встречи. – Ответил Саша и пожил трубку на рычаг.

– Кто звонил? – Услышал он голос из секционной.

– Приятель. – Отвечал Саня.

– Что хотел? – Продолжил Фёдор Егорович. Иногда Саша не переносил эту привычку коллеги всё знать, даже то, что его не касаться вовсе, но смирившись с этим, он решил сразу ответить, что бы потом тот не докапывался до него.

– Наш коллега. – Отвечал Саня. – Совет нужен.

– Да, ты прям нарасхват. – Подшутил Егорыч. Ответить Саня не успел, ибо послышалась, тарыхтение из секционной. Фёдор начал просверливать крышку черепа бедной девушке, которая умерла от колита, как выяснилось, после тщательного осмотра зелено – желтых, слизисто – гнойных оболочек, некогда толстого кишечника и части тонкого.

Челкашов вернувшись, домой и сев за изучение сводки новостей, чем он занимался каждый день в интернете, занёс в электронную таблицу еще одну дату и краткое описание преступления. Он изначально хотел пойти в полицию,

но потто, понял, что ему ближе трупы. Своё первое вскрытие он сделал, когда у него умерла собака. Андрею всегда нравилось изучать что-то, его интересовали те вопросы, которые не интересовали в его возрасте других детей.

Ночью, взяв собой тетрадь, карандаш и нож, он пошел, выбрал могилу, где днём похоронили пса и начал вскрытие. Благо его никто не застал за этим делом, иначе точно бы, оправили к детскому психиатру и начали бы лечить. Челкашов был умным мальчиком, и умело прятал своё неординарное хобби. Когда пришло время решать, кем он станет, он без колебаний уже знал, кем он хочет быть по жизни.

Его не пугала ни кровь, ни запах, ни то, что иногда может обнаружиться внутри, его это только интриговало. Андрей был замкнутым и всегда поглощенный своими мыслями, нет, он не страдал не расстройством рассудка, ни шизофренией, но иногда он мог вести себя очень странно. Например, он часами мог о чём-то тихо бормотать и смотреть в одну точку, а иногда его подвижность и неизвестно, откуда в таком тщедушном теле, было столько энергии, что он как в бреду мог носить из одного угла в другой и что-то неясно кричать или рисовать.

Он прекрасно рисовал, как и Алиса, хотя не ходил ни в какие художественные школы, а изучал все по доступной литературе сам. В семье всегда не хватало денег, они были оба физика по образованию, и работали то в школе, то репетиторами, даже в укай-то фирме, но потом та лопнула и они

вынулись в педагогами, благо их знали и приняли обратно в школы, так как другие туда просто не шёл, преподавать.

С отцом, как и с матерью близкого контакта не было, он хорошо учился в школе, но друзей не имел, хотя с его выделяющейся внешностью, он как пятно был среди толпы. Он и был пятном, только пока не ясно в хорошем смысле или в плохом.

Он часто опаздывал, потому что часто не спал от бессонницы, что мучила его. Андрей мало ел, но иногда в нём просыпался ужасный аппетит, и он мог съесть за 3-их при этом заворота кишок у него не случилось. Он прекрасно бегал и вообще, был юрким и гибким при его росте в 1.70, но до Коляна ему всё равно было ещё расти и расти. И сейчас ведя уже неделю сводку новостей, он анализировал преступника и просчитывал его следующий шаг.

«Каждый день, по две жертве.— Думал он.— Если завтра будет убийство, то он не преследует никакой цели, а убивает просто так, для развлечения. Сказано, что вскрытие ничего не вывило и причины смерти неизвестны. Но, с другой стороны, убийства всё таки есть, причём жестокие. Притом все девушки».— Продолжил он свои измышления.

– О, Санчес, я рад, что ты приехал. – С порога не оборачиваясь, сказал мужчина.

– Ну, что тут у тебя? – Буркнул Александр.

– А ты, я слышу не в духе.

– Нет, все норм.

– Ладно. Хозяин барин. – Отвечал, всё так же, не поворачиваясь, мужчина, от стола, где лежали бумаги, и он что-то в них искал или писал. Горела настольная лампа, которая давала скудный свет.

– Так и будешь ко мне спиной стоять? – Спросил Саша.

– Момент, друг мой. – Отвечал голос. Через секунды он обернулся и сказал:

– Всё пошли.

– Ну, пошли. – Безразлично сказал Саша.

Глава 3 Алиса сидела на жесткой табуретки, на кухне, где повара готовили заказы для посетителей кофе. Духота и парилка как в бане, душили её. От усатости болели ноги, руки и спина. Лицо с приклеенной улыбкой и вежливым тоном, не хотело больше улыбаться и говорить вежливо. В этот вечер многие парочки посещали это кофе, на улице стоял мороз, и совсем не было никого желания мерзнуть, особенно влюбленным.

Духота, жара на кухне, запах дыма из зала, где разрешено курить, ароматы одеколонов и духов мужчин и женщин, запах спертого воздуха, где много народа и запах ненужных освежителей воздуха, что незаметно стояли по углам помещения, всё это смешивалось и весело мертвой, удушающей недвижимой массой в зале кафе.

Это душило Алису, она задыхалась, ей был нужен воздух, но она не могла уйти, выйти хотя бы на пару минут, на улицу,

где такой же мерзкий запах сигаретного дыма издавали, уж её коллеги по работе, в перекурах между готовкой, выносом блюд и приёмом заказов этих блюд, бегали на задний двор покурить.

Наконец, когда этот поток людей начал рассеиваться и кафе, постепенно начало просветляться от массы народа и очищаться от всех запахов, Алиса глубоко вздохнула. Ей повезло, что этот филиал работал до 22 часов вечера, а не 24 часа в сутки. Закрыв дверь и повесив табличку «Закррито», она пошла по залу, собирая грязь и поднимая стулья, что б потом всё это помыть и отчистить от грязи, которая всегда почему-то была, хотя при входе, лежал ковёр.

Налив воды в ведро, и бросив таблетку моющего средства, девушка наблюдала, как та медленно растворяется, образуя пену и приятный, на удивление запах. В отличие о других моющих средств, содержащих хлорку или какое либо другое синтетического происхождения вещество, это пахло травой и цветками. Легкий, слегка уловимый запах химии ощущался, но он скрадывался за этим ароматом полевых цветов.

Намочив тряпку и выжав, Алиса накинула её на швабру и пошла в чисто поле. Девушка мыла, а сама думала, о том, что она абсолютно одинока и ничтожна. Это только с виду, она казалась всем сильной и несгибаемой, но внутри... Она часто плакала, когда её соседки по комнате, в общежитие, где –нибудь тусили или их просто не было. Плакала не от того, что жалко себя, хотя может это и тоже, а от того, что

у неё не хватало сил идти дальше, жить. Алиса жила лишь одной мыслью и целью, «Закончить обучение и найти работу, нормальную работу по профессии». – Она думала, что это решит её всяких проблем и скрасит, то одиночество, что иногда она испытывала, почти каждый день.

Голые кафельные стены и такой же пол, холодные и темные без света и батареек. Да и зачем они здесь? Кого обогреть? Накинув безрукавку, закурив и включив верхний свет, Михаил провёл «гостя» в камеру хранения. Как он называл «Морозильничик».

– Вот прошу, в мои скромные хоромы. – Распахивая тяжёлую металлическую дверь и пропуская вперёд своего друга, сказал Петрович.

– Петрович, кончай шутить! Холод у вас тут собачий. – Отвечал Александр Борисович. – Показывай чего у тебя там, двоечник. – Они подошли к одной из камер хранения и, нажав на кнопки, Петрович извлек то, что было когда-то живым и дышащим. Выдвинув на рельсах столик и приподняв простыню, он отошёл в сторону.

Глазам Александра Борисовича предстала девушка: молодая, не более 25 лет, волосы короткие и выющиеся и что поразительно, натурального медного цвета это было видно, что они не окрашенные. Бледная кожа, сама немного полновата, но это полнота красила её, придавая пикантность тем местам, где она и должна быть.

– Я ничего не вижу. – Сказал Александр, глядя в лицо девушки. Красиво выщипанные брови, тоже медные, ресницы, темные, немного полноватые губы, маленький носик, округлый подбородок, но не сросшийся с шей, хотя возможно в будущем он бы у неё слипся, если бы девушка не занялась бы минимальным спором или ограничением в еде.

– И не увидишь. – Тут же ответил Петрович. – Ни одного следа насилия или причины, приведшие к смерти, не обнаружены.

– А вскрытие? – Тут же спросил Саня.

– А вот с этим я пока тяну. – Многозначительно отвечал Михаил. – Я прикрою её? – Спросил он у мужчины. Тот, молча, кивнул. Девушка отправилась опять туда, откуда её извлекли. Уже сидя в комнате, рядом с секционной, и попивая теплый чай, Петрович начал говорить:

– Понимаешь ли, в чём дело. Она, не первая.

– Да, я слышал про убийства. – Согласился Саша.

– Так вот. То были именно убийства, а это ... – Петрович пожал плечами.

– Ты хочешь сказать, что два человека?

– Я предполагаю. – Согласился Петрович и отпил теплой жидкости. Она обожгла ему горло и теплой лавой потекла в желудок, где сгруппировалась и застыла, распространяя от себя это живительное тепло. – Санчес, тебе везёт. – Вдруг сказал он. Санчес поднял бровь. – Да, везёт. Ну, что у вас там максимум в городской больнице можно увидеть страш-

ного? – Это был риторический вопрос. – А у меня... – Михаил поднял руку и так и застыл с ней в воздухе, затем медленно опустил.

– Ты, ждёшь пока появятся признаки того, что её убило? Я правильно уловил твою мысль?

– Да, дружище.

– А если не появиться?

– Вскрыть я её всегда успею. – Уставшим тоном, сообщил тот. – Что ты про это всё думаешь. – Александр понял, о чём его спрашивает давний друг, один из немногих, которого он причислят к этому статусу.

– Я думаю, что убийства производят, двоя: один убивает и, судя по твоим красноречивым речам, жестокого и отвратительно. – Хотя Петрович ни словом об этом не обмолвился, но Саня всё понял и так, – а другой ... – Тут он резко замолчал и что-то долго думал, затем заговорил:

– Скажи-ка мне, когда всё это началось?

– Что именно?

– Вот такие вот «умерщвления».

– Всю эту неделю, начиная с понедельника, не считая тех случаев, «настоящих убийств».

– А эту девушку?

– Сегодня ночью.

– И сколько ты намерен ждать?

– Выходные.

– Нет. Это будет поздно. – Почти шепотом сказал Алек-

сандр.

– О чём ты?

– Только не смейся, но мы имеем дело, с подростком или даже, уже с взрослым человеком, приблизительно такого же возраста, как и эта девушка. – Отвечал Саша.

– Хм. Решил поиграть в Холмса? – Иронически спросил Петрович.

– Скажем так, что мои мозги затесаны немного в другую стону. – Отвечал Саня.

– Хорошо. Но, с чего такое предположение? И почему будет поздно?

– Она – замерзнет. – Только и отвечал Александр.

– Поясни.– Ставя чашку на стол, сказал Петрович.

– Вот, в воскресенье придём, сам увидишь.– Ответил Саша.

– Саня, ты как всегда!– воскликнул Миша.– Вечно со своими «гениальными идеями» и «теориями о неясном и загадочном».

– В воскресенье придём?

– Саня...– Застонал Петрович.– выходной, будь человеком, дай выспаться.– Саша не ответил.

Ночь подкралась незаметно. Зимой вообще темнее незаметно, пройдёт каких-то полчаса и уже сумрак. В такие дни, как этот, пятничный большинство женщин спешат с работы в магазин, а из магазина домой к плите или к чему-то в этом

роде. Наоборот юные создания, вроде подростков или студентов, не спешат бежать домой, они спешат бежать в магазин за выпивкой и закуской, а уже потом на чью нибуть хату, тусить до полуночи, а то и позже.

Но, Алиса в этот вечер думала лишь об одном, как побыстрее дойти до общежития, помыться и лечь спать. Её мышцы болели, ноги были тяжелыми и болели, начиная от икр, заканчивая поясницей, шею ломило толи от усталости, то ли от того, что её продуло, пока она как угорелая бегала от кухни в зал, а из зала в кухню. Мало кто знал, что она работает в кафе. Девушка не хотела, что б её сокурсники и сокурсницы знали это, да и не к чему это им.

Гордыня или злоба, а может то и другое, не позволяло ей подойти к тем, у кого было денег с избытком и попросить в долг пару тысяч, что б как-то протянуть до зарплаты. Иначе тогда они начали бы спрашивать, а ещё она не любила быть никому должной именно по этой самой причине, она никогда не просила о помощи, как в плане учёбы, так и в плане денег. С учебой было проще – Алиса не была душой, и ей нравилось то, что она изучает, ещё у нее был такой склад характера, что она не боялась идти и спрашивать у учителя после пары или даже во время пары, то, что ей не понятно. Вот, эта её занудство и дотошность бесила всех, ещё больше бесила её вечное недовольство к опаздывающим, их наглое, как она считала поведение.

Конечно, Алиса была права, только толку от её право-

ты, если этим она только усугубляла своё положение. Но, по крайней мере её боялись, даже не так, её терпели, как и она многих, просто, что бы ни сцепляться языками и попусту не сотрясать воздух.

И сейчас идя по заснеженной, холодной улице, где уличные фонари, освещали всё кругом, ей стало себя на мгновение жалко. Жалость это самое худшее, что может испытывать человек, как к себе самому, так к кому-то другому. От жалости ни денег, ни здоровья, ни чего – либо ещё не прибавляется, особенно если ты жалеешь себя и ничего не делаешь, что б помочь себя. То же и к другому существу.

Порыв ветра, бросил на маленькую фигуру девушки снег и, просачиваясь сквозь пальто, морозил тело. Согнувшись и плотнее прижав к себе руки, что б ни поддувало и не просвистывало, Алиса ускорила шаг. Ледяная корка на асфальте, кое, где мерцала в лучах уличных фонарей, сверкающие ветрены и вывески, падали на фигуру девушки, освещая её разными красочными цветами.

Шел 12 час ночи, когда она, наконец, добралась до кровати, соседок по комнате не было, девушку это только порадовало. Нина Исааковна, так сказать их цербер и сторож, закрывала дверь общежития ровно в 22:00, но зная, о том, что девушка подрабатывает, она дала ей ключ, которым она могла открывать входную дверь в здание. Вообще Алиса нравилась Нине Исааковне, Алиса отвечал ей тем же.

Но, как бы Алиса не устала, сон не шёл к ней. Лежа в теп-

лой, но не мягкой постели, она всё вспоминала сегодняшнюю практику. Да, Александр Борисович был не простым человеком, по нему было видно, как он смотрел на них, своими серыми с прохладцей глазами.

– Как на пустое место. – Прошептала она вслух. – «Но, почему он такой? – Спрашивала она себя. – Есть ли у него жена, дети? Молодой мужчина, может средних лет, так сказать. И всё же...» – Алиса вспомнила эти холодные серые глаза, в которых ничего не возможно было прочесть, они казались пустыми, но была ли она таковыми, в самом деле? Щёки девушки слегка зарделись, и она поняла, что это от того, что она думает о нём. – «Тьфу! Что за глупости! – Отругала она себя. – Он даже, небось, не помнит, как меня зовут, уже. Да и кто я, какая-то девчонка с 5 курса. Да и вообще...» – Она перевернулась на бок и посмотрела в окно, где была ночь и холод.

Глава 4 Андрей лег спать в 12 часу ночи субботы, весь вечер он просидел за компом, ища информацию о чём-то очень важном для него. Но, спать ему в эту ночь спокойно не пришлось...

«Я вижу, как я иду по темному переулку, я чувствую холод под ступнями. Я не могу понять, где я. Мои ноги босые, я ощущаю это так как иду по голым камням. Да и без пальто и шапки. Холодно, слишком холодно. И, главный вопрос, почему я здесь? Что я делаю здесь среди ночи? Сон ли это или явь?»

Голова тяжела, а руки мерзнут, не пойму что со мной. Вдруг впереди я слышу стук каблуков по асфальту, там, где заканчивается это темный переулочек. Стук приближается, слышно, что обладательница этих сапожков спешит и через шаг сбивается на бег. Я понимаю, что если выйду сейчас в таком виде, то напугаю её, и она закричит, а мне совсем этого не надо. Не надо что б она кричала...

Внезапно я начинаю ощущать странное желание, мне хочется чего-то неясного, опасного, запретного. Но это не я, нет, это не мои желания, это желания другого, того, кто...

Ноги принесли меня к выходу из этого темного переулочка. Руки лезут в карман пижамы и извлекают. Что это? В свете уличного фонаря, что, кстати, один единственный горит, на этой улице, блеск метала. Я присматриваюсь и вижу кухонный нож. Я знаю этот нож, им мама режет овощи, он острый очень острый, потому что совсем новый. Моя рука опускает нож, прячут его за спиной, но я вовсе не хочу догонять эту спешащую домой девушку. Она все дальше от меня.

Мои ноги, да и руки прилично уже замерзли, и я тоже хочу домой. Но, что если я дома и мне это всё только снится. Даже как искрится снег в свете, одного фонаря на улице?

Но, кто-то против моей воли заставляет меня идти за этой девушкой, но кто? Я начинаю сопротивляться и все больше убеждаюсь, что это вовсе не сон. Я смотрю вокруг себя и узнаю свой район. Мой дом как раз за тем тупиковым переулочком, откуда я вышел и неизвестно как попал. Может по

крышам старых гаражей?

И тут я слышу в голове четкий голос: «Иди вперед».— Нет, это не моя мысль это именно голос извне, но в моей голове. «Нет». — Отвечаю я и разворачиваюсь и иду обратно в переулок. Идти тяжело, потому что ноги почти всё отморожены, как и руки.

Однако больше никто не говорит в моей голове. Добираюсь до своего дома, как и предполагал по крышам старых гаражей и захожу в пустой подъезд, хорошо, что всё спят. Я подхожу к входной двери и дергаю за ручку. Та тихо отворяется, я проскальзываю внутрь. Тепло сразу окутывает меня, всё тихо. Все спят. Я рад.

Отмерзшие конечности медленно отмораживаются и больно шевелить пальцами рук и ног, но я шевелю и терплю эту боль. Наконец оттаяв и тихо прокравшись сначала на кухню, кладу нож на место, а затем к себе в комнату, я юркнул под одеяло. — «Что это было?— Подумал я.— Кажется я знаю, что это было.... Но, кто?».— Закрыв глаза, я вновь погружился сон».

Поздней ночью субботы, Колян вывалился из бара и, шатаясь, побрёл к себе домой. В эту ночь, ему было грустно, очень грустно, он не понимал, почему и из-за чего. Давно он уж не думал, если вообще когда либо думал о будущем и о своей жизни. Но, вот почему-то сейчас во 2 часу ночи уже воскресения, он задумался над смыслом своей жизни, над

смыслом бытия.

Вообще его мало, что могло удивить или привести в уныние. С первым и понятно, он, как и Илья, много катался в детстве с родителями по земному шару, когда те были ещё любящими родителями и любящей парой, а с последним. Он не думал, а кто не думает, тому и нет резона расстраиваться или впадать в уныние.

Идя по улице, высокий и пьяный, накаченный и трормознутый, он не сразу сообразил, что идёт не домой, а совсем в другое место, туда куда он и сам не знал. В итоге, Коля остановился посередине тротуара и посмотрел на звездное небо. Оно было чистым и без облаков, что свидетельствовало о том, что завтра будет солнечный зимний день. Звезды редкими огоньками сияли и подмигивали ему.

Выпустив облачко пара изо рта и ноздрей, юноша помотал головой и посмотрел вдаль, туда, где улица заканчивалась тупиком, и начинался пустырь. Развернувшись, парень пошёл обратно, тогда вдруг услышал крик, что пронзил ночь, как выстрел. Крик, донёся как раз с конца той улицы, куда он заем-то хотел пойти. Коля остановился на секунду.

Он вспомнил рассказы, про психа, убийства девушек, насилия и прочее. Он не боялся, но внезапный порыв северного ветра, швырнул в него крупницы снега и забрался под шиворот. Юноша плотнее прижал капюшон к голове и почувствовал, как жара, что была разлита по его пьяному телу, сменяется холодом. Крик повторился. Коля сдвинулся с ме-

ста и пошёл медленно, нехотя, на звук. Он понимал, что стоит ускориться, но кровь почему-то застыла в венах, а сердце стучало быстро, от страха.

Парень никогда не считал себя трусом или слабаком, с его – то горой мышц, но сейчас. Сейчас он трусил и медлил.– «Чёрт! В конце концов, что я не справлюсь с каким-то там придурком?!»– Отругал себя юноша и понёсся к концу улицы, где та заканчивалась тупиком, и начинался пустырь.

А в воскресное утро, когда все нормальные люди высыпятся после тяжелой рабочей недели или после длительной тусовки, что может длиться два дня подряд начиная с пятничного вечера, у кого как и попойки, когда зимнее солнце только слегка начинает золотить крыши домов и белый снег ещё не тронутый подошвой ног и резиной шин машин, когда всё наивно и свежо, в это время только дворник или несчастный работающий идёт на работу или, наоборот, с работы, именно в это прекрасное морозное или может такое же, как сотне предыдущих рассветов, вот тогда-то ползя по снегу, и оставляя кровавый след после себя боролась за жизнь очередная жертва насилия, убийства и безумства, смешенного с жестокостью, этого века.

Сил не было, что б кричать или позвать на помощь, хотя врят ли кто бы помог бы, ведь сейчас люди делают вид, что ничего не видят и не слышат. Мороз сковывал все внутренности, руки, и ноги уже давно окоченели, да и пузо, уже по-

крывалось коркой льда, так же медленно, как кровь вытекала из раны, на бедре. – «Помогите!»– Мысленно повторял человек, но никто не мог услышать этот зов. – «Надо добраться до дороги, дальше будет легче». – Хотя надежда была прозрачна и сумрачна.

Зимнее солнце поднялось над крышами домов и алым заревом разлилось по небу, осветив медленно ползущую и умирающую фигурку внизу, на снегу. Впереди уже виднелась пешеходная дорога, строение магазина и детская площадка. – «Кто –нибудь помогите». – Тихо текли мысли в голове. – «Прошу...» – Последним усилием воли фигура ещё проползла пару метров и неподвижно застыла на белом снегу.

«Мороз собачий!» – Мысленно ругался юноша.– «И вообще, что за несправедливость! – Продолжил он.– В воскресенье идти дежурить. Это все, потому что я новенький. Ну, ничего, вот я вам всем покажу!» – Потряс юноша кулаком воображаемым противникам. Завернув за угол, он прошёл пару шагов пока не увидел вдалеке фигуру, лежащую на снегу. – «Ну, вот первый алкаш». – Зло подумал он. Неспешно, воображая, что он большой начальник, он подошел к лежащему в снегу, лицом вниз и уже хотел обратиться к нему с притворно уважительной фразой, типа такой:

– Голубчик, удобна ли вам, спиться... – Но, фраза застряла у него в горле, когда он увидел алое пятно, что разливалось от лежащей фигуры.

– О, черт! – Воскликнул он. Мороз и так щепавший нос и щеки, внезапно забрался и под куртку и обморозил все его внутренности. Обернувшись и озираясь, в поисках людей и увидев, что никого вокруг нет, юноша, как истинный человек, своего века и поколения хотел пройти мимо и сделать вид, что ему это всё приснилось. И только он решил пройти мима, как фигура издала хриплый шепот:

– Помоги.– Протяжно протянула она. – Поа...луйста... – Юноша, наклонился и дотронулся до фигуры, перевернув и увидев, что это девушка и что она почти вся заледенела и губы её почти фиолетовые, а сама она, синяя и она ранена. Видно, не совсем потеряв совесть и честь, юноша набрал экстренный вызов и, назвав номер улицы, где находился, позвонил непосредственно туда, где он и работает.

Через 10 минут, так как пробок на улице в воскресный день нет и слава тому, кто придумал выходной, скорая приехала, ещё раньше полиция. Погрузив еле живую девушку в скорую помощь, юноша вкратце рассказал, что было, хотя говорить было почти нечего.

– Это, точно, дело рук того маньяка. – Говорил в кабинете Павла Никифоровича, этот юнец.

– Надо будет допросить девушку.

– Конечно. – Энергично закивал головой юноша. В его мечтах, он уже поймал и маньяка и его все хвалят и он такой, как персонаж из фильма, отвечает скромно, но с достоинством: «Ну, что вы? – Говорит он. – Разве за это благодарят?»

Ведь это моя работа». – И все начинают хлопать, девушки и женщины визжат от восторга, мужчины кланяются и говорят ему: «Илья Александрович, вы гений. Как вам удалось его вычислить...»

– Илья! – Услышал он сердитый голос Павла Никифоровича. – Где ты летаешь?

– Извините, Павел Никифорович. – Тут же опустив голову и вытянувшись по струнке, говорит Илья.

– Иди и разузнай, в каком состоянии девушка и может ли она дать показания.

– Так точно. – Отвечает Илья и выходит из кабинета Павла Никифоровича. – Ничего, вы меня ещё узнаете. – Бурчит он себя под нос.

Александрю не спалось сегодня всю ночь, после разговора с Петровичем в пятницу, его мучили вопросы и сомнения. Он не любил такое состояние, оно выбивало из калии и вообще портило пищеварение, в последнее время он мало ел, а всё из-за того, что ему постоянно портили его настрой.

– Ещё эти студенты. – Проворчал он и встал с постели. Он жил один, холостяк и одиночка. Ему не нужна была женщина, он давно забыл, что значит быть джентльменом или кавалером, он давно уже ни в кого не влюблялся, хотя и раньше с ним это случалось редко.

В свои 35 он был красивым и притягательным для женщин и девушек, он был слишком загадочным, из-за чего всё

и происходило. Чем больше он отрицал, тем сильнее они тяготили к нему. И каждая думала, что сможет растопить холод его глаз и прибиться сквозь броню его сердца, но каждая получала холодный взгляд и не совсем вежливый отказ.

Взяв гантели, он потягал их, поотжимался, покачал пресс, заглянул в ванну. Стоя под душем, он думал о том, что его жизнь абсолютно лишена смысла и что он устал от однообразия его бытия. У него не было ничего, что бы его вдохновляло бы.

Окончив институт и найдя работу, сначала он с жадностью все впитывал, принимал участия во всех вскрытиях, что происходили в морге. Спрашивал, записывал, читал, но потом, когда запал уступил месту тому, что называться обыденность в работе. Ко всему можно привыкнуть, даже к трупам.

Потом он начал досконально изучать клетки и ткани организма и открыл, что у всех людей одна и та же ткань, отвечающая за одну и ту же функцию и абсолютно состоящая из таких же клеток, как и у того «соседа», все равно не такая как у того «соседа» и даже не, потому что она деформирована или изменена, потому что она другая.

Это его так удивило и привело в замешательство, что сначала он долго ломал голову, почему так, он даже провел обыкновенный опыт на себе и на своём коллеге, Федоре Егоровиче, сделал срез эпителия кожи руки и рассмотрел под микроскопом. Он увидел, что клетки похожи, что поверх-

ностный эпителий невозможно спутать с базальным из-за его крупности и неправильности форм, но все равно их клетки различались.

Он даже подумывал написать работу на эту тему, но не знал, как обличить его мысли на бумагу и донести их до остальных. Потом это стало для Александра не таким важным. – «Ну, и что с того? – спрашивал он себя. – Какая разница, если эти клетки здоровые, а это различие легко объясняется генетической разницей на микро уровне, вот и всё». – Так, его открытие ничего не дало ему, и Саша всё глубже стал уходить в себя.

Федор Егорович, наоборот был радостным, живым и немножко любообильным, право ему не везло с женщинами, все они бредили только Александром. Федор часто говорил Саше:

– Санчес, вот что они в тебе находят?

– Не знаю. – Отвечал тот.

– Эх, может ты колдун или шаман? Наколдуй мне женщин.

– Каких?

– Красивых. Да побольше. – Отвечал Егорыч и заливался своим басистым смехом. Санчес только хмыкал и пожимал плечами.

– Не княжье это дело. – Отвечал он и уходил от этого разговора. Но сегодня Александр был в дурном расположении духа, одевшись и выйдя из квартиры, что была на 3 этаже,

старого пятиэтажного дома. Его всё грозились снести, а жителей переселить в новый дом, многоэтажны, но что-то всё никак. Саньку, было, честно говоря, всё равно, лишь бы не трогали.

Нет, он не был безразличным в полном смысле этого слова к жизни, к обществу, к людям в целом, но он уже давно перестал эмоционалировать или сиять как Егорыч, он просто жил один день, который перетекал в другой, неделя в месяц. Когда это началось Саша уже и сам не смог бы сказать, точно. Просто он стал сиднем и одиночкой.

Идя по заснеженным улицам города и наблюдая, как тот медленно посыпается и оживет, он не чувствовал ничего. Витрины магазинов и магазинчиков, рекламные щиты и новогодние елки, говорящие о приходе нового года, не радовали его и не колыхали его душу, он был безразличен к этому.

Нарядные, искусственные, большие елки возле магазинов и торговых центров, сияли и переливались, первые посетители магазинчиков, кто бодро, кто еще сонно ходили по рядам с многочисленными продуктами и продукцией к праздничному столу и празднику в целом.

Свернув к переулку, что вёл к дому его друга, он ещё сомневался в своём решении, но ноги упорно вели его к дому Петровича.

Незначительная боль в области груди, где сердце, медленно стала нарастать, это было, похоже, как если надавить на

синяк и начать его растирать, что б разбить сгусток, который образовался при ударе. Медленно, но верно боль в области сердца или может в самом сердце начала нарастать. Уже из синяка она перешла в синятище, не меньше кулака. Грудная клетка не вздрагивала от биения сердца или движений говорящих о вдохе и выдохе, но боль была реальной.

Наконец сердце встрепенулось и сократилось, превозмогая боль от застывших мышц поперечнополосатой мышечной ткани. Медленно сократившись она застыло дольше, чем того надо в этой судороге, затем медленно расслабилось неся за расслаблением поток боли. Теперь казалось, будто из мышцы, которая неритмично и не уверенно начала сокращаться тянут иглу, медленно, ещё попутно проворачивая. Она хотела кричать, но не могла и выдавить ни звука.

Когда наконец-то невидимую иглу извлекли из сердца, а оно пришло в ритм быстрый, как у пташки, настала очередь слипшихся легких. Вдох не получался, казалось, что все альвеолы, что в самом конце бронхиального дерева слиплись или схлопнулись. Сердце забилося в конвульсиях, она хотело, но не могла снять эту тяжесть, что придавила ей грудь и не давала вздохнуть. Паника и страх пришёл к ней. Она не могла пошевелиться, она не осознавала себя, не ощущала тела, так такового только этот кусок, где разливалась боль.

Когда паника достигли своего апогея, а сердце зачистило до 100 и выше ударов в минуту и могло разорваться на кусочки, тогда этот долгожданный вдох произошёл. Холод

прошёлся по гортани, глотке и проник в легкие, разлепляя слипшиеся, как у машины трубочки, бронхи и проник в альвеолы. Теперь она задохнулась от холода, что сковал на секунду, ей показалась на минуты, все легкие. Затем настал мучительный выдох, она не могла выдохнуть, согретый воздух, полный углекислого газа.

Диафрагма и межреберные мышцы не слушались, не сокращались. Очередной приступ боли, и отчаяние накатили волной. Она хотела кричать, но не могла, хотела биться руками и ногами, не могла, она ничего не могла. Наконец кислород достиг мозга и он начал включаться, соображать, что ему делать. Спустя мучительные тридцать секунд, она выдохнула и вновь вдохнула. Испуганное сердце постепенно стало успокаиваться, входя в ритм с легкими.

Но, на этом не окончились боль и мучения. Теперь кровь разбуженная сердцем и застывавшая в артериях и венах, богатая углекислым газом, начала отмораживаться и медленно, словно ртуть течь, по скованным сосудам, причиняя боль, которая распространялась от головы до шеи, от шеи до плеч и дальше, вниз до самых пальцев рук и ног. Ощущение было схоже с покалыванием, когда отморозил себе конечности и, придя в тепло помещение, они медленно начинают оттаивать, тоже происходило и сейчас.

Сначала незаметные покалывания прошли по всему её телу, затем они усилилась, нарастая и превращаясь уже не в покалывания, а проколы и жжения. Казалось миллиард хо-

лодных, острых вперемешку с горячими иглами впиваются в руки и ноги, во всё тело. Кровь хлынула, вниз и там оставшись, на пару секунд, потекла обратно по венам, вызывая судороги.

Первая мысль, которая пришла ей, осознано и чётко была: «Я совершенно голая». – Каким-то шестым чувство, она ощутила, что обнажена и лежит на чём-то холодном и гладком как лёд, лёд был повсюду, она ощущала его, вдыхая через нос, но, не различая ещё запахов и кожей, которая медленно восстанавливала свой нормальный цвет из белого в розоватый.

– Ну, ты и засранец. – Ворчал Петрович, идя по скользкому, нечищеному ни кем двору больницы, к одноэтажному зданию. – Разбудил меня в воскресенье, в такую рань, с твоей там теорией. – Продолжал он свой монолог. – Мало ли кому, что кажется. Когда кажется крестца надо.

– Петрович, если бы ты не хотел, то сейчас бы не шёл такой целенаправленной походкой со мной. – Спокойно отвечал ему Александр Борисович.

– С тебя вискарь. – Буркнул Михаил и достал связку железных, тяжелых ключей. Покопавшись в ней, он нашёл нужный ключ от входной двери, вставил в замочную скважину.

– Как всегда Джека? – Спокойно спросил Саша.

– Санчес, всё – то он знает. – Язвительно ответил Петрович и открыл дверь. – Да. – Бросил он через плечо и зашёл в

темный холл. Пройдя по темному коридору, до другой двери, что была еле видна в сумерках, рассеянных слабым светом из – за грязных окон ещё и с решетками, будто тут можно было что-то воровать, хотя, как посмотреть, может и можно было, на то они и поставлены, вставив другой ключ в другую дверь, Михаил открыл её и распахнул пред Александром.

– Прошу, милостивый государь.

– В каком? Не помню. – Только и спросил мужчина, входя в комнату. – Михаил открыл последний от стены холодильник и выдвинул столик, где под простыней лежала их вчерашняя находка.

– Света бы нам. – Попросил Александр, приподнимая край простыни и заглядывая в лицо девушки.

– Может вам ещё и чаю принести. – Съязвил Петрович, но пошёл к выключателю, что был около двери на стенке.

– Миш, ну, хватит уже. – Попросил его Саша. Он внимательно смотрел в черты лица девушки и не мог понять, что же его смущает. Наконец свет вспыхнул и он понял.

– Петрович, посмотри, кожа стала темнее и кажется, порозовела. – Михаил подошёл, и взглянул в лицо умершей.

– Да, не. Это так свет падает. – Отвечал он. Саша спустил простыню ещё ниже и обнажил грудь.

– Боже правый! – Воскликнул Михаил. – Мать вашу! – Продолжил он. Грудь девушки вздымалась слабо, но ритмично. Это было очевидно. Взяв в свою ладонь, холодную и еще белую кисть руки Александр попытался найти пульс. Без-

успешно, тогда он приложил два пальца к шее девушки и нащупал ели уловимое биение сердца.

– Она – жива. – Тихо констатировал он факт. Михаил сорвался и понесся в соседнюю комнату к телефону.

Казалось боль никогда не кончиться, теперь она перешла внутрь, глубоко и связала в узел сначала пустой желудок, затем перешла на тонкий кишечник, сдавливая его спазмом, и закончила толстым кишечником. Затем отпустив на пару секунд, она вновь набросилась на эти органы, моментально свернув их судорогой и вылетев по прямой кишке, с испражнениями, что высыпались на стол, на котором она лежала, не ощущая себя. Затем боль разлилась по всему правому боку и пояснице, клещами терзая почки, печень, желчный пузырь, перешла на левую часть.

Тихий стон воровался из сомкнутых и не слушающихся ещё губ девушки Александр это явственно услышал. Вернулся Петрович бледный и взмокший.

– Ванна есть? – Спросил Саша.

– Да.

– Наливай. Будем отогревать. – Внезапно тело девушки изогнулось дугой, изо рта полился крик, этот долгожданный крик, который она не могла выкрикнуть, когда голосовые щели не слушались её. Упав на стол, она начала биться. Схватив девушку в простыню и прижав к себе, Александр, крикнул Михаилу:

– Петрович, не стой! – Мужчина оторопело, до этого смотрящий на происходящее, наконец, пришел в себя и побежал в комнату персонала, где был стоячий душ. Открыв краны холодной и горячей воды, он начал подбирать температуру.

– Попробуй, такая нормальна будет? – Обратился Миша к Александру, держащего на руках, продолжающую биться в агонии и крики, девушку.

– Тише, девочка, тише. – Услышала она голос, но не могла понять ни слова. Звук шел, будто сквозь толщу воды или льда. Холод, что она вдыхала до этого, и что окутывал до сих пор, стал теплее или совсем куда-то делся. Ей никак не удавалась разлепить веки. Крик что она исторгла из горла, сама не осознавая, что кричит не только мысленно, но и вживую, облегчил на какое-то время её страдания.

Теперь новая волна боли, прошла мягким прикосновением по руке, сначала по одной потом по другой. Кто-то приподнял её и провел тем же движением по спине и тыльной стороне ног. Ей было больно и неприятно, когда до тела прикасались.

– Может ей морфий дать? – Спросил Петрович.

– А, у вас есть?

– Найдём. – Отвечал мужчина, держа девушку за голову, пока Саша намазывал ей шею и грудь крем – мылом для рук и чистой салфеткой, смоченной водой смывал его с её тела.

– Лучше спирта,– Отвечал Александр,– разбавленного, конечно.

– А она, хоть глотать может?

– Вот и узнаем. – Отвечал мужчина, опуская девушку на холодный пол душа. – Подержи-ка её, что б она не сползла, я её ополосну. – Обратился он к коллеге. – Простыни ещё есть?

– До хрена. – Отвечал встревоженный Петрович.

Глава 5 Когда наконец-то, её опустили на что-то мягкое и теплое, и сверху придавили чем-то тоже большим и теплым, она уже начала постепенно понимать и ощущать происходящее. Усилием воли она заставила себя приоткрыть глаза на миллиметр. Сквозь щелочки глаз, она различила две смутные фигуры. Её тело медленно расслаблялось и погружалось в дремоту. – «Кто они? Где я?» – Задавалась девушка вопросом.

– Её надо в больницу. – Говорил Михаил.

– В таком виде это не допустимо. – Отвечал Александр.

– Но, надо знать, насколько она жизнеспособна. И это воскрешение из мертвых. Надо знать, кто это с ней сделал? – Настаивал Петрович. Саня зло посмотрел на друга и сказал:

– Всё бы вам знать. А что человек с того света вернулся это вам все равно. А вот поэтому я не работаю в полиции.

– Саня?! – Удивился Петрович. – Да, ты что?

– Да, то! – Кипятился мужчина. Затем он резко выдохнул и подошёл к раскладушке, где укутанная простыне и под оде-

ялом лежала девушка. – Её вещи ещё у вас?

– Да.

– Надо посмотреть, где она живёт и кто такая. Сообщить её родственникам.

– Это я уже сделал?

– Сообщил?

– Да, только не её родственникам. – Виновно отвечал Петрович. Саша повернулся к нему лицом. – Не начинай. – Предупредительно вскинул руку мужчина. – Ты не знаешь, кто она такая и я не знаю. Наше дело маленькое...

– Петрович, ты темнишь. – Тихо, но угрожающе, сказал Александр.

– Лучше тебе не знать.

– Петрович. – Ещё тише произнёс мужчина.

– Она дочь главы нашего района. – Тихо сказал Михаил.

– И? – Раздраженно, спросил Саша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.